

вательными моделями обладает большим потенциалом для решения этих задач. Для достижения высокого уровня межкультурной коммуникации необходимо организовывать учебный процесс таким образом, чтобы учащиеся осознавали значимость толерантных отношений в жизни человека и профессиональной деятельности специалиста туристской сферы. Формирование толерантности как качества личности реализуется при непереносимом и повсеместном присутствии самой идеи толерантности на всех этапах организации учебного процесса.

В заключение отметим, что сам процесс формирования толерантной коммуникативной личности иностранного студента-менеджера по туризму должен быть в высшей степени толерантным: преподаватель обращается к тончайшим духовным сферам, к явлениям, обладающим большой значимостью для обучающихся. Как абсолютно справедливо заметил Ю.Е. Прохоров, «не следует спешить ставить задачу овладения иностранцем новой культурой как собственной, считать вторичную этнокультурную идентичность целью программы обучения. В то же время овладение новой культурой до определенной глубины, достаточной для толерантного коммуникативного взаимодействия, не только реально, но крайне необходимо».

Е.Г. Озерова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ И.С. ШМЕЛЁВА КАК КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Лиризм повествованию поэтической прозы И.С. Шмелёва придаёт интертекстуальность, которую М.М. Бахтин, говоря о диалогичности художественного текста, называл явлением «текста в тексте». Теоретические особенности столь многогранного феномена описаны известными семиотиками Р. Бартом и Ю. Кристевой. Это научное понятие было исследовано Н.А. Кузьминой, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской, которая под интертекстуальностью понимает 1) содержательно-смысловую открытость текста по отношению к другим текстам; 2) коммуникативно-прагматическую и психологическую открытость текста адресату (предполагающую наличие интертекстуальной компетенции у читателя); 3) идейную и тематическую открытость друг другу текстов одного читателя; 4) внутреннюю содержательную открытость друг другу смыслов и структурно-композиционных частей одного и того же класса; 5) типологическую открытость друг другу текстов одного класса; 6) открытость отдельного типа текста более общим функционально-стилистическим системам [6]. В поэтической прозе интертекстуальность является доминантной для создания религиозных интенций и смысловой перспективы автора:

Уже был «перелом поста – жука ходит без хвоста?» (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Завтра и голубиный праздничек, Дух-Свят в голубке сошел. То на Крещение, а то на Благовещенье. Богородица голубков в церковь носила, по Ее так и повелось (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Он умывает меня святой водой, совсем ледяной, и шепчет: «Крещен-

ская-богоявленская, смой нечистоту, душу освяти, телеса очисти, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

- Как снежок будь чистый, как ледок, крепкой, - говорит он, утирая суровым полотенцем, - темное совлекается, во светлое облакается... - даёт мне сухой просвирки и велит запивать водицей (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Потом кутает потеплей и ведёт ставить крестики во дворе, «крестить». На Великую Пятницу ставят кресты «страстной» свечкой, на Крещение мелком – снежком (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

И Горкин резон приводит: «Осень без грязи не бывает... зато душе веселей, как снежком покроет» (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Рождество уже засветилось, как под Введение запели за всенощной «Христос рождается, славите: Христос с небес, срящите...» – так сердце и заиграло, будто в нем свет зажегся. Горкин меня загодя укреплял, а то не терпелось мне, скорей бы Рождество приходило, все говорил вразумительно: «нельзя сразу, а надо приуготовляться, а то и духовной радости не будет». Говорил, бывало:

– Ты вон, летось, морожена покупал... и взял-то на монетку, а сколько лизался с ним, поглядел я на тебя. Так и с большою радостью, еще пуще надо дотягиваться, не сразу чтобы. Вот и приуготовляемся, издаля приглядываемся, – вот оно, Рождество-то, уж светится. И радости больше оттого (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Интертекстуальное пространство поэтической прозы содержит конгломерат церковных и разговорно-просторечных вкраплений, который эксплицирует культурно-исторический опыт эгопопа автора, что придаёт повествованию особую лирическую архитектуру.

Однако прецедентный центр поэтической прозы, содержащий имплицитные интертекстуальные фрагменты, всё же сосредоточен в культурном концепте «Икона», который хотя и является культурным знаком невербальной природы, но имманентно эксплицирует вербальные смыслы. Свет в православии, например, имеет особый смысл и коннотативные значения, так как считается, что «всё причастное к Богу пронизано божественным светом и светоносно», поэтому икона пропитана внутренним светом [7].

Концепт «Икона» в поэтической прозе не только иллюстрирует субъективное восприятие действительности, но и выступает хранителем исторической памяти.

– Матушка-Иверская... Царица Небесная!..

Горкин машет пучком свечей: расступись, дорогу! Раскатывается холстинная «дорожка», сыплется из корзин трава.

– Ма-тушка... Царица Небесная... Иверская Заступница... (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Иверская икона Божией Матери, рассказывается в книге «Православные праздники» [4], – великая святыня всего православного мира, была прославлена в IX веке, в те времена, когда в Византийской империи правили иконоборцы, не признававшие святых икон и уничтожавшие их.

Далее следует описание предыстории культурного концепта «Иверская икона»:

У одной благочестивой вдовы войны, посланные для уничтожения святых икон, обнаружили образ Божией Матери; один из воинов ударил по нему копьем, и из поражённого места потекла настоящая кровь. Женщине удалось уберечь святыню, явившую столь чудесное знамение, от поругания: она пустила икону в море, и икона, сопровождаемая огненным столпом, приплыла по волнам к Иверскому монастырю на Святой Горе Афон. Там, в Иверском монастыре, она находится и сейчас [4].

Скользят в золотые скобы полотенца, подхватывают с другого краю – и, плавно колышась, грядет Царица Небесная надо всем народом. Вдвигаются, как трава, и Она тихо идет над всеми. И надо мной проходит – и я замираю в трепете. Глухо стучат по доскам над лужей, – и вот уже Она восходит по ступеням, и лик Ее обращен к народу, и вся Она блистает: розово озаренная ранним весенним солнцем.

...Спаа-си от бед... рабы твоя, Богородице...

Под легкой, будто воздушной сенью, из претворенного в воздух дерева, блистающая в огнях и солнце, словно в текучем золоте, в короне из алмазов и жемчугов, склоненная скорбно над Младенцем, Царица Небесная – над всеми. Под ней пылают пуки свечей, голубоватыми облачками клубится ладан, и кажется мне, что Она вся – на воздухе. Никнут над Ней березы золотыми сердечками, голубое за ними небо.

...К Тебе прибегаем... яко к Нерушимой Стене и предста-тельствую-у...

Вся Она – свет, и все изменилось с Нею, и стало храмом. Темное – головы и спины, множество рук молящих, весь забитый народом двор... – все под Ней. Она – Царица Небесная. Она – над всеми (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Тайну иконы, отмечает С.В. Алексеев, раскрывает такой литургический обряд, как каждение: в храме священник при каждении кланяется и кадит и людям и иконам. Это два вида образов, представленных в поэтической прозе [1].

Чаще всего угадываемый смысл целого заставляет воображение «дорисовывать» недостающие черты так, что человек и не подозревает об этих дополнительных усилиях психики [2]. В поэтической прозе дополнительные усилия психики будут направлены на внутреннее припоминание символической истории иконы.

В рассмотренных текстах недостаточно говорить только об интертекстуальности, так как для поэтической прозы И.С. Шмелёва характерной является сложная система интертекстуально-вербально-невербальных культурных кодов, которые эксплицируются во всех видах искусства: живописи, музыке, художественных текстах. Система ментальных репрезентаций, по мнению А. Пейвио, находится в состоянии покоя и не функционирует до тех пор, пока какие-либо стимулы извне не активируют её, причём в качестве стимулов могут выступать как невербальные (икона: *Мишушка... Царица Небесная... Иверская Заступница*), так и вербальные (молитва: *...Спаа-си от бед... рабы твоя, Богородице...*), так как "слово Твое есть истина" (Иоан. 17, 17) и "блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его" (Лук. 11, 28). Вербальные и невербальные стимулы, в свою очередь, могут возбуждать среди ментальных репрезентаций как образы,

так и языковые репрезентации: для выполнения когнитивной задачи использованы могут быть и те и другие (ср.: КСКТ, 1997:11).

От святых иконы Твоя, о Владычице Богородице, / исцеления и целбы подаются обильно / с верою и любовью приходящим к ней: / тако и мою немощ посети / и душу мою помилуй, Благая, / и тело исцели, // благодатию Своею, Пречистая (Тропарь, глас 4).

Аще и в море ввержена бысть святая икона Твоя, Богородице, / от вдовицы не могущая спасти сию от врагов, / но явилася естъ хранительница Афона и вратарница обители Иверския, / враги устрашающая и в православней Российской стране чтущия Тя // от всех бед и на пастей избавляющая (Кондак, глас 8).

Ср.: *И, подходя ко всем иконам, / Как строгий и смиренный брат. / Творю поклон я за поклоном / И за обрядами обряд (А. Блок, «Инок»).*

Пред иконой стоишь со свечою, на земле – себе не нужна, но отмечена тишь мечтою, рядом с жизнью, что сожжена. Ты обиду простишь вчерашнюю, деревянный целуя оклад, на икону глядишь бесстрашно, Богородицы встретив взгляд. Словно взгляд Ее повторяя, пред распятым стоишь до зари, на пол капли воска роняя, тоже – светишься изнутри... (Л. Колодяжная, «Пред иконой стоишь со свечою...»).

Рассматривая икону как художественную и культурную ценность, Л.А. Успенский отмечает, что «она уже не только открывается как прошлое, но и оживает как настоящее» [<http://nesusvet.narod.ru/ico/books/ouspensky/>].

Он оглядывает переднюю. Она уже тусклеет, только икона светится. Он смотрит над головой и напевает без слов любимое – «Кресту Твоему... поклоня-емся, Вла-ды-ыко-о» (И.С. Шмелев, «Богомолье»).

Когнитивная метафора *икона светится*, раскрывающая когнитивно-коннотативную природу культурной информации концепта «Икона», имеет реальную этимологию: *ассист* (лат. – ‘присутствующий’) – в иконописи лучи и блики, исполненные золотом или серебром, составляющие рисунок одежд, символизируют присутствие Божественного света [8]. Именно поэтому золотой фон на иконах олицетворяет этот неземной свет.

Итак, отражение в поэтической прозе созидающей миссии православия подчинено поиску животворящего источника русского национального характера. Лейтмотивом поэтической прозы служит тезис, сформулированный И.А. Ильиным: жизнь, не озаряемая светом священного, превращается в жалкое прозябание и пошлость [3]. Русские люди на протяжении столетий на сознательном и даже на подсознательном уровнях были убеждены: самое ценное в жизни то, что священно. Собственно, это убеждение и порождает современную поэтическую прозу, в которой концентрируются и переплетаются наши основные духовные сокровища: (а) самобытная русская культура, созидаемая в русле традиционных ценностей, (б) интертекстуальность, подпитываемая великим искусством русских пророков-гениев, (в) русской песней – «прямым излиянием сердечного чувства» [3], (г) незабвенной русской народной сказкой, которая «вся проникнута певучим добродушием» [3] православного мировосприятия, эпицентром ко-

торого служит концепт «Икона». В поэтической прозе этот концепт является той сложной когнитивно-коннотативной структурой, в которой сфокусирована суть повествования, так как икона в лирической прозе не просто религиозный образ, художественная или культурная ценность, а когнитивная имманентная система интертекстуально-вербально-невербальных культурных кодов православного сознания, раскрывающая духовную самобытность русского народа.

Литература

1. Алексеев, С.В. Образ, воплотивший Слово / С.В. Алексеев – СПб.: Сатисъ, 1997 – 38 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
3. Ильин И.А. Историко-биографический очерк // Собр. соч. в 10 томах / И.А. Ильин. Том 6. Кн. 2. – М.: Русская книга, 1993. – 364 с.
4. Православные праздники. – Кострома: Авенир-Дизайн, 2002. – 392 с.
5. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви [Электронный ресурс] / Л.А. Успенский. – СПб., 1997 / Режим доступа: <http://nesusvet.narod.ru/ico/books/ouspensky/>
6. Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации / В.Е. Чернявская. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1999. – 209 с.
7. Щеголева Е., Глаголева О. В православном храме / Е. Щеголева, О. Глаголева. – М.: Олма-Пресс, 2006. – 304 с.
8. Языкова И.К. Богословие иконы / И.К. Языкова. – М.: Общедоступный Православный ун-т, 1994. – 208с.

Е.С. Пархомова, Т.В. Самосенкова

СООТНОШЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ И НАВЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Специфическим процессом познания действительности, языковой картины мира является обучение русскому (родному) языку. Это самый важный способ получения и передачи языкового, общественно-исторического, социокультурного опыта другому человеку в специально организованных условиях семьи, школы, лингвокультурного сообщества.

На сегодняшний день приоритетной задачей обучения в основной школе является развитие речевой и мыслительной деятельности учащихся; коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих свободное владение русским литературным языком в разных сферах и ситуациях общения; готовности и способности к речевому взаимодействию и взаимопониманию, потребности в речевом самосовершенствовании. Именно поэтому содержанием обучения в 5-6 классах является усвоение знаний о родном языке, его устройстве и функционировании в различных сферах и ситуациях общения; о стилистических ресурсах, основных нормах русского литературного языка и речевого этикета. В 5-6 классах происходит интенсивное обогащение словарного запаса школьников и расширение круга используемых ими грамматических средств. Именно возраст учащегося является базовым для формирования лингвокультурологической компетенции учащихся, для «вживания» в культуру народа через познание его языка.